

И. Е. Суриков

АРХОНТАТ В АФИНАХ: ОТ ИСТОКОВ ИНСТИТУТА ДО УТРАТЫ ИМ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

В статье прослеживается история института архонтата, который на протяжении длительного периода являлся в Афинах высшей магистратурой. Хронологические рамки работы – с рубежа II–I тыс. до н.э. до середины V в. до н.э. Рассматривается постепенное формирование коллегии архонтов, вырастания ее из института древней царской власти путем параллельного действия ряда взаимосвязанных процессов (сокращение срока пребывания в должности, расширение базы потенциальных кандидатов, увеличение состава коллегии). Предлагается новая трактовка реформы архонтата, проведенной Солоном. Демонстрируется, как после установления классической демократии архонтат утратил политическое значение.

Ключевые слова: Афины, полис, политические институты, магистратуры, архонтат, царская власть, аристократия, демократия, эпонимы

Принимаясь за очередную статью для «Вестника древней истории», мы первоначально планировали посвятить ее иной тематике, а именно, рассмотреть степень специфичности становления афинского полиса в архаическую эпоху. Дело в том, что в последнее время в западном антиковедении появилась и приобрела значительную популярность довольно экзотическая концепция, в рамках которой для Афин постулируется совершенно уникальный, не имеющий параллелей в греческом мире вариант развития, приобретшего на определенном этапе регрессивный характер. Согласно данной точке зрения, в конце VIII в. до н.э. в Афинах процесс формирования полиса был свернут усилиями консервативной аристократии, и афинское государство надолго, на целый век, перестало быть полисом, а вновь стало таковым лишь в результате реформ Солона 594 г. до н.э.¹ Нам подобное мнение представляется в корне превратным, и мы ставили перед собой задачу привести достаточно веские доводы в пользу того, что на протяжении VIII–VII вв. до н.э. Афины развивались как нормальный архаический полис².

Однако, когда мы предварительно, в краткой форме, изложили основные идеи будущей статьи (а она, разумеется, будет написана) в докладе на одной из конференций в ИВИ РАН³, в ходе дискуссии по докладу ряд полемических замеча-

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Основоположник идеи – Иан Моррис (Morris 1987). Дальнейшее развитие этот взгляд получил, например, в работах: Stanley 1999; Almeida 2003.

² О категориях «архаический полис» и «классический полис» см. подробнее Суриков 2010, 13 слл.

³ Тезисы доклада см. Суриков 2011а.

ний высказал С.Г. Карпюк. Он указал, что один из наших ключевых аргументов основывается на данных нарративной традиции о складывании и эволюции системы афинских магистратур в раннеархаический период, и поставил вопрос: насколько достоверны сами эти данные? В частности, в источниках содержатся сведения о том, как единоличная и пожизненная царская власть в Афинах постепенно перерастала в коллегиальный институт архонтата, к тому же ограниченный определенным сроком занятия должности; по нашему мнению, такой переход, безусловно, является одним из важнейших элементов процесса формирования полиса. Но имеем ли мы право считать, что источники в данном случае корректно отражают исторические факты? Ведь их авторы жили спустя много веков после описываемых событий, и могли ли они располагать аутентичной информацией?

Соответственно, мы сочли необходимым, прежде чем вплотную обратиться к основной интересующей нас теме о специфике становления архаического афинского полиса (это мы сделаем в дальнейшем), подробно остановиться на поставленных выше вопросах, связанных с архонтатом в рассматриваемую эпоху. Попытку разрешения возникающих на этом исследовательском поле сложностей и проблем представляет собой настоящая статья. Хронологические рамки работы, правда, выходят за пределы периода архаики в собственном смысле слова (VIII–VI вв. до н.э., как его обычно датируют): мы начнем изложение с рубежа II–I тыс. до н.э., а закончим его серединой V в. до н.э., поскольку важно, с одной стороны, проследить истоки и корни явлений, а с другой – довести рассмотрение процессов, начавшихся в архаический период, до их естественного завершения.

Подчеркнем, что тематика, относящаяся к архонтату, особенно к самым первым ступеням его эволюции, не только позволит пролить дополнительный свет на сюжеты более общего характера, но и представляет самостоятельный интерес⁴. По причинам, о которых будет говориться ниже, ученые, занимающиеся афинским архонтатом, не затрагивают или почти не затрагивают начального этапа его истории (или скорее «предыстории»), предпочитая иметь дело с уже сформировавшимся институтом. Так, в известной книге У. Динсмур⁵ речь идет только об эллинистических архонтах Афин. Монографических исследований о коллегии архонтов в архаическую и классическую эпохи, кажется, вообще нет⁶, так что приходится довольствоваться разделами в общих трудах об афинских магистратурах⁷ и статьями (среди которых, впрочем, есть весьма важные⁸). Что уж говорить об еще более раннем времени! В отечественной же историографии архонтат фактически совсем не подвергался специальному изучению⁹.

⁴ О необходимости изучения полисных политико-правовых институтов см. Hansen 1989, 263–269; Суриков 2006, 10–14.

⁵ Dinsmoor 1931.

⁶ В этом плане значительно больше повезло, например, коллегии стратегов. О ней см., в частности: Fornara 1971a; Hamel 1998.

⁷ Например: Kahrstedt 1936; Develin 1989.

⁸ Прежде всего: Cadoux 1948. Несмотря на то что эта большая статья вышла довольно давно, она и поныне сохраняет значение. На другие ценные статьи об архонтате (как правило, в них освещаются отдельные аспекты истории института) ссылки будут даваться в соответствующих местах, по ходу изложения.

⁹ Одно из редчайших исключений: Ленская 2001.

В любом античном полисе высшая магистратура (часто являвшаяся одновременно эпонимной¹⁰) являлась одним из важнейших политических и государственно-правовых институтов, занимала ключевое место в иерархии власти; уже в силу этого она заслуживает самого внимательного к себе отношения. К сожалению, в рамках древнегреческого мира для подавляющего большинства полисов данные по интересующей нас проблематике чрезвычайно скудны. В лучшем случае известно лишь наименование соответствующей магистратуры; зачастую мы не имеем даже и этого.

Лишь одно греческое государство представляет собой исключение; само собой разумеется, это – Афины. Уже со времени архаики высшие афинские магистраты объединялись в коллегия, которая официально называлась «девять архонтов» (οἱ ἐννέα ἄρχοντες). Впрочем, несмотря на такое наименование, в действительности в состав коллегии в классический период, когда она приняла свою окончательную форму, входили уже не девять, а десять должностных лиц – эпоним, базилей, полемарх, шесть фесмофетов и секретарь¹¹.

Уже из этого видно, что афинский архонтат был институтом, который на протяжении веков не оставался статичным, а претерпевал изменения различного рода, эволюционировал. Далее мы попытаемся дать краткую характеристику тех перемен и модификаций, которые в разные эпохи претерпевал институт архонтата, указать на сложности и проблемы, существующие в данной связи и в некоторых случаях попытаться наметить возможные пути разрешения этих проблем. Разумеется, мы ни в коей мере не претендуем на то, чтобы написать полную и детальную историю интересующей нас магистратуры: такая задача, конечно, потребовала бы монографии, а не статьи.

История архонтата известна несравненно лучше, чем история высшей магистратуры в любом другом греческом полисе, прежде всего потому, что до нас дошел такой ценнейший источник по государственному устройству Афин, как «Афинская полития» Аристотеля¹². Именно этот небольшой, но исключительно информативный трактат в дальнейшем будет, так сказать, нашей «путеводной звездой», из него будет почерпнуто наибольшее количество сведений, что обусловлено самой тематикой аристотелевского труда. В его начале (Ath. pol. 3) автор делает экскурс,

¹⁰ Лучшее, что имеется на сегодняшний день в мировой историографии об эпонимных магистратах в античной Греции, – это, безусловно, серия больших статей Р. Шерка, которые в совокупности фактически представляют собой полноценную монографию. См. Sherk 1990a (в этой статье, на с. 269–279, разбирается и вопрос об эпонимном архонтате в Афинах); 1990b; 1991; 1992; 1993.

¹¹ Sealey 1976, 155; Develin 1989, 2.

¹² Мы не будем сколько-нибудь подробно касаться здесь спорного вопроса об авторстве «Афинской политии» (см. об этом подробнее: Scheidel, Taeuber 2002). Как известно, принадлежность этого сочинения самому Аристотелю все чаще оспаривается в западной историографии. См., в частности: Hignett 1952, 27–30; Rhodes 1981, 58–63; Whitehead 1993. Мы не исключаем, что непосредственно над текстом «Афинской политии» мог работать не сам глава Ликия, а кто-то из его учеников (или, может быть, даже группа учеников). Однако, на наш взгляд, не подлежит сомнению, что Аристотель, во всяком случае, авторизовал трактат и издал его под своим именем. Ведь не случайно вся античная традиция называет «Афинскую политию» именно аристотелевым произведением. В отечественной историографии о проблемах, связанных с создававшимися в перипатетической школе «Политиями», см. классический труд: Доватур 1975.

посвященный формированию коллегии архонтов, а в заключительной части (Ath. pol. 55–59) подробно останавливается на функциях и полномочиях, которые имели члены этой коллегии ко времени написания «Афинской политики», т.е. в последние десятилетия существования классической демократии в Афинах.

Создавая труд по истории и современному состоянию государственного устройства афинского полиса, Аристотель опирался как на собственные наблюдения, так и на результаты, полученные предшествующими поколениями ученых, прежде всего аттидографов – представителей локального аттического историописания¹³. К великому сожалению, до нас не дошли произведения этих историков – Гелланика, Клидема, Андротиона, Фанодема, Филохора и др. (сохранились лишь незначительные фрагменты): ведь в них, без сомнения, содержалась еще более детальная, чем в «Афинской политике», информация о государственно-правовых институтах Афин, в том числе и об архонтате¹⁴.

Нельзя умолчать о том, что работа с данными Аристотеля сама по себе сопряжена с определенными трудностями. Во-первых, при составлении «Афинской политики» явно ставилась задача – уложить как можно больший материал в как можно меньший объем. Отсюда – известная сжатость, «спрессованность» изложения, делающая многие места неясными и непрытыми для интерпретации¹⁵. Во-вторых, даже такой могучий ум, как Аристотель, способен был ошибаться, особенно тогда, когда он чрезмерно полагался на свои источники, которые подчас были проникнуты политической тенденцией и искажали факты в угоду тем или иным предвзятым идеям. А это значит, что далеко не всему, содержащемуся в «Афинской политике», мы должны безоговорочно доверять; нередко необходим критический анализ (который, впрочем, не должен переходить в гиперкритицизм¹⁶). В-третьих, как известно, до нас не дошли самые первые, вводные главы трактата, а в них речь шла о древнейших этапах развития Афинского государства. И уже поэтому начальные ступени формирования и эволюции архонтата для нас в некоторой мере «тонут во мгле».

¹³ Главный вклад в исследование аттидографии внес Феликс Якоби. Классическим стал его труд «Аттида» (Jacoby 1949), а также обширный комментарий к сочинениям аттидографов (Jacoby 1954). В качестве краткого введения см. также Pearson 1981. В последнее время изучением аттидографии наиболее плодотворно занимается Ф. Хардинг. Он опубликовал ряд статей (в том числе: Harding 1977; 2007), монографию об Андротиионе, одном из крупнейших аттидографов (Harding 1994), и, наконец, совсем недавно – комплексное исследование об «Аттидах» в целом (Harding 2008).

¹⁴ О влиянии аттидографов, особенно Андротиона, на Аристотеля, см. Schreiner 1968, 13–20.

¹⁵ Достаточно привести один небольшой пассаж – *Arist. Ath. pol.* 3. 3: *ὡς ἐπὶ τοῦτου (sc. Ακάστου) τῆς βασιλείας παραχωρησάντων τῶν Κοδριδῶν ἀντὶ τῶν δοθεισῶν τῷ ἄρχοντι δωρεῶν*. Это место весьма трудно для понимания. Соответственно, его переводят по-разному: «так как при нем (Акасте. – *И.С.*)... Кодриды отказались от царского достоинства ради привилегий, данных архонту» или «так как в его царствование Кодриды отказались от привилегий, данных архонту». Можно заметить, что ни тот, ни другой вариант перевода все-таки не дает понять с полной ясностью, что имеется в виду. Насколько можно судить, речь идет о том, что при правителе Акасте из династии Кодридов-Медонтидов (согласно традиционной генеалогии, он был внуком Кодра) афинские цари стали называться архонтами; соответственно, в какой-то мере изменился их статус, но в чем конкретно это проявилось – на основании цитированного пассажа нелегко сказать.

¹⁶ По поводу различия между критическим анализом и гиперкритицизмом см. методологические замечания в работах: Немировский 2001, 8 слл.; Суриков 2007, 44 слл.

В силу этого для исследования интересующего нас института необходимо привлечь данные и других источников. Как правило, это авторы более позднего времени (Дионисий Галикарнасский, Павсаний, Евсевий Кесарийский и др.), однако в своих изысканиях они опирались на не дошедшие до нас труды достаточно ранних историков, в том числе тех же аттидографов. Наконец, немаловажен и эпиграфический материал. Особо отметим в данной связи список ранних афинских архонтов, охватывавший период с VII по V в. до н.э. Этот список, выбитый на большой стеле, стоял на афинской Агоре; от него сохранились несколько небольших, но исключительно информативных фрагментов¹⁷. Список был составлен, очевидно, в календарных целях и, соответственно, учитывал только архонтов-эпонимов (как известно, именно по именам этих магистратов в Афинах обозначались годы¹⁸), что, впрочем, само по себе уже немало.

Пожалуй, важнейшие фрагменты списка следует здесь привести¹⁹. При некоторых именах стоят знаки вопроса, но это скорее «для порядка», а на самом деле восстановления почти бесспорны.

Фрагмент А

Кипсел²⁰

Телекл²¹

Филомброт (?)²²

Фрагмент В

К[- - -]

Фа[- - -]

Те[- - -]

Эрксиклид²³

Фес[- - -]

Фор[- - -]²⁴

*Фрагмент С*²⁵

¹⁷ О списке архонтов написано немало, но важнейшим исследованием по данной проблематике (к тому же содержащим наиболее полную сводку фрагментов списка) и по сей день остается статья: Bradeen 1964. Д. Брадин реконструировал внешний вид стелы со списком и практически безоговорочно доказал, что перечень начинался с 683 г. до н.э., с Креонта.

¹⁸ Это, наверное, связано с тем фактом, что функцию контроля над календарем осуществлял в афинском полисе именно архонт-эпоним (Samuel 1972, 57 ff.).

¹⁹ По изданию: Meiggs, Lewis 1989, 9–12 (№ 6). Мейггс и Льюис, публикуя памятник, опираются на выкладки Брадина.

²⁰ Архонт 597/596 г. до н.э., представитель рода Филаидов, отец Мильтиада Старшего – первого афинского тирана Херсонеса Фракийского. Имя Кипсела свидетельствует о матримониальных связях Филаидов с коринфскими Кипселидами (об этих связях известно и из других данных: *Herod.* VI. 128).

²¹ Или Телеклид (конец имени утрачен).

²² Если имя восстанавливается корректно, то перед нами – непосредственный предшественник Солона на посту архонта-эпонима.

²³ Архонт 548/547 г. до н.э.

²⁴ Скорее всего, Формион (ср. McGregor 1974; Develin 1989, 45).

²⁵ Это – самый известный из фрагментов списка архонтов, охватывающий период 527/526–522/521 гг. до н.э. Среди названных здесь лиц – ряд очень известных исторических деятелей: тиран Гиппий и его сын Писистрат Младший, будущий «отец афинской демократии» Клизфен, будущий марафонский победитель Мильтиад Младший.

Онеторид
Гиппий
Клисфен
Мильтиад
Каллиад
[Писи]страт
Фрагмент D
Фенипп (?)²⁶
Аристид (?)²⁷

Афинский архонтат вырос из института древней царской власти²⁸. Собственно, это можно сказать о высшей магистратуре практически в любом античном полисе. Достаточно вспомнить консулат в Римской республике, учрежденный после ликвидации монархии. Мы не случайно вспомнили здесь о консулате: его история освещена в источниках тоже достаточно подробно, что дает возможность сравнительного анализа параллельных институтов в Афинах и Риме. Такой сравнительный анализ уже в самом первом приближении позволяет заметить: афинский архонтат прошел более сложный и значительно более длительный путь формирования, чем римский консулат²⁹.

За точку отсчета можно взять то государственное устройство, которое существовало в Афинах в начале I тыс. до н.э. и характеризовалось наличием царской власти. Эта последняя находилась в рассматриваемую эпоху в руках династии, которую различные источники называют то Кодридами, то Медонтидами. Строго говоря, не вполне понятно, почему за нею закрепились в традиции именно такие названия: ведь основателем ее считался не Кодр (легендарный царь, пожертвовавший жизнью ради спасения родины) и тем более не его сын Медонт, а отец первого и дед второго Меланф, прибывший, согласно традиции³⁰, в Афины из мессенского Пилоса после вторжения дорийцев в Пелопоннес.

Как бы то ни было, на протяжении нескольких веков характер и объем власти Кодридов претерпел существенные изменения – прежде всего в направлении сни-

²⁶ Архонт 490/489 г. до н.э., при котором произошло сражение при Марафоне.

²⁷ Прославленный Аристид Справедливый.

²⁸ Важнейшие исследования о ранней царской власти в Греции: Drews 1983; Carlier 1984. Первая из двух названных книг написана с несколько гиперкритических позиций; для второй характерно более конструктивное отношение к данным традиции. В более широком контексте см. также Barceló 1993.

²⁹ Правда, не исключено, что и история консулата была не столь прямолинейной, какой она предстает в основной линии нарративной традиции, согласно которой немедленно после изгнания Тарквиния Гордого были избраны на годичный срок два консула, и этот обычай сразу и прочно утвердился. В историографии высказывались самые различные мнения: что первоначально высшие магистраты в Риме назывались не консулами, а преторами; что на первом этапе истории Республики их было не два, а три (или, напротив, один); что власти коллегии консулов хронологически предшествовала власть диктатора и т.д. Сводку этих мнений см. Маяк 1988, 348. Ситуация с консулатом еще усложняется существованием в Риме на несколько более позднем этапе института консулярных военных трибунов. Но даже и при всем этом эволюция афинского архонтата представляется гораздо более непростой и запутанной.

³⁰ Весьма основательную, практически исчерпывающую сводку ссылок на источники в данной связи см. Молчанов 2000, 186–187.

жения статуса этих правителей, ограничения их полномочий. Комбинируя данные Аристотеля и других авторов, получаем следующую картину развития событий.

Начиная с определенного момента (нельзя дать точный ответ на вопрос, когда это случилось³¹, но, во всяком случае, на весьма раннем историческом этапе) сменилось название магистратуры: афинские цари стали именоваться не *басилеями*, как раньше, а *архонтами* (правителями, начальниками). Перемена произошла, скорее всего, не в силу какого-то конституционного акта, а чисто эмпирическим путем: новый титул постепенно стал более употребительным, чем старый. Впрочем, нельзя сказать, что последний был совершенно вытеснен. Обозначения «архонт» и «басилей» долгое время употреблялись параллельно либо в сочетании «архонт-басилей». Впрочем, в полной мере взаимозаменяемыми их нельзя назвать. В некотором роде «басилей» было родовым понятием, а «архонт» – родовым, более широким. Представлялось ли оно также и более престижным? Об этом можно только гадать. Не в первый и, увы, не в последний раз приходится повторять это унылое *non liquet* – такова уж специфика наших знаний о «Темных веках» древнегреческой истории³².

Очевидно, на том же этапе царская власть из наследственной превратилась в выборную. Иными словами, архонты отныне были уже не монархами, а должностными лицами формирующегося полиса. Правда, вначале, в течение нескольких веков, выбирали этих должностных лиц по традиции исключительно из рода Медонтидов. И даже можно предположить, опираясь на список этих ранних архонтов (о нем см. ниже), что, как правило, после смерти предыдущего правителя на престол по-прежнему заступал его сын. Но только теперь это происходило не автоматически, а через санкцию государства (пока еще, безусловно, в лице не всего демоса, а аристократической верхушки, составлявшей Совет Ареопага)³³. Статус архонта по-прежнему оставался пожизненным (*Arist. Ath. pol.* 3. 1; *Paus.* VI. 19. 13).

Список пожизненных афинских архонтов из рода Медонтидов сохранен Евсевием Кесарийским (*Chron.* I. 189 sqq. *Schoene*), а восходит, в конечном счете, к

³¹ Уже Аристотель не имел ответа на этот вопрос. Он пишет: «Большинство говорит, что она (должность архонта. – *И.С.*) возникла при Медонте, а некоторые – что при Акасте. В доказательство последние ссылаются на то, что девять архонтов клянутся давать присягу таким же порядком, как во времена Акаста... Как бы ни было дело в действительности, разница во времени в том и другом случае небольшая (Акаст был сыном Медонта. – *И.С.*)» (*Arist. Ath. pol.* 3. 3). Цитаты из «Афинской политики» здесь и далее приводятся в переводе С.И. Радцига.

³² Кстати, судя по всему, именно по этой причине исследователи, занимающиеся проблемами архонтата, как правило, работают на данных более поздней эпохи – не ранее VII в. до н.э. См., в частности: *Cavaignac* 1924; *Cadoux* 1948; *Buck* 1965; *Badian* 1971; *Kelly* 1978; *Figueira* 1984; *Forrest, Stockton* 1987. Более ранним материалом опасаются пользоваться, считая его не вполне аутентичным. Подобная позиция не представляется нам конструктивной. Ранняя история архонтата, на наш взгляд, в принципе доступна для изучения, – конечно, при условии критического отношения и комплексного, комбинаторного подхода к информации, содержащейся в источниках. Именно поэтому мы в данной работе в наибольшей степени акцентируем внимание именно на первых этапах эволюции этого института как наименее изученных в литературе.

³³ Строго говоря, в рассматриваемую эпоху тот орган, который позже назывался Ареопагом, был еще просто «Советом». Лишь позже, когда в ходе реформ Солона был введен Совет Четырехсот, для различения двух Советов между собой более древний из них стал называться Советом Ареопага. По истории Ареопага см. наиболее подробно: *Wallace* 1989. О роли Ареопага в выборах архонтов будет говориться ниже.

эллинистическому историку Кастору Родосскому³⁴ (FGrHist. 250. F4). В западной историографии, за редкими исключениями, к этому документу не принято относиться с доверием³⁵. Считается, что он был сфабрикован в политических целях аристократией более поздних эпох. С подобного рода гиперкритической тенденцией мы подробно полемизируем в другом месте³⁶ и поэтому не будем здесь повторять соответствующую аргументацию. Подчеркнем лишь, что список архонтов из Медонтидов находится на стыке, с одной стороны, устного генеалогического предания (ведь перед нами, по сути, родословие), которое само по себе в традиционных обществах является одним из наиболее устойчивых и достоверных элементов легендарной традиции, а с другой – практики фиксации высших полисных магистратов, имевшей весьма раннее происхождение. Получая, таким образом, опору сразу с двух сторон, список, о котором идет речь, с большой долей вероятности может быть признан в целом аутентичным (по крайней мере, в своей последней части).

Приведем этот список для времени после Кодра: Медонт, Акаст, Архипп, Ферсипп, Форбант, Мегакл, Диогнет, Ферекл, Арифрон, Феспией, Агаместор, Эсхил, Алкмеон. Два самых ранних члена перечня – Медонт и Акаст – названы, как мы видели, уже Аристотелем (*Ath. pol.* 3. 3), при этом, что интересно, Акаст упомянут со ссылкой на официальный документ³⁷ – афинскую клятву архонтов, появившуюся, не приходится сомневаться, на весьма раннем историческом этапе.

При именах всех пожизненных архонтов Кастором даются годы правления, которые легко переводятся на наше нынешнее летосчисление. И получается, например, что Медонт правил в 1069/1068–1049/1048 гг. до н.э., его сын Акаст – в 1049/1048–1013/1012 гг. до н.э., а, допустим, Алкмеон, сын Эсхила (последний пожизненный архонт), – в 755/754–754/753 гг. до н.э. Разумеется, как раз в том, что касается этих

³⁴ Harding 2007, 181. Кастор Родосский (первая половина I в. до н.э.) – один из первых представителей древнегреческой хронографии, автор фрагментарно сохранившегося труда «Хроника» в шести книгах. В науке справедливо считается, что Кастор работал в традициях такого выдающегося, авторитетнейшего хрониста, как Аполлодор Афинский. Последнего же весьма ценили за ученость и скрупулезность работы. См., например, следующую его характеристику (*Ps.-Scymn.* 19 sqq.; перевод наш. – *И.С.*):

Один весьма ученый муж из Аттики,
Учившийся у Диогена-стоика
И с Аристархом много пообщавшийся,
Составил как-то летопись, идущую
От покоренья Трои и до наших дней.
Он, взявши время в тысячу и сорок лет,
Всё сосчитал и изложил подробнее:
Паденье городов и войск движение,
Племен переселенья, войны варваров,
Флотов военных выступленья, плавань,
Устройство игр, союзы с договорами,
Бои, дела царей, мужей великих жизнь,
Изгнания, походы, тираний конец
Он свел подряд в одном повествовании.

³⁵ В высшей степени характерно, что ни один из пожизненных архонтов не включен в новейший и наиболее полный ономастико-просопографический компендиум по Афинам: Osborne, Byrne 1994.

³⁶ Суриков 2004а.

³⁷ Об использовании Аристотелем официальных документов см. Chambers 1993; Rhodes 1993.

цифр, необходимо проявлять максимальную настороженность. В большинстве своем они не могут быть сколько-нибудь точными. Продолжительность правления большинства архонтов у Кастора достаточно велика³⁸, причем «среднее арифметическое» подозрительно тяготеет к четверти века (сроку, который в древних обществах был одним из стандартных для обозначения длительности жизни одного поколения). Правда, сильно выбивается из отмеченной закономерности тот факт, что последнему пожизненному архонту, Алкмеону, отводится всего лишь два года. Говорит ли это о чем-нибудь? И можем ли мы считать, что данная цифра более аутентична, чем остальные? Поставленных здесь вопросов мы еще коснемся ниже. Заметим здесь, что дата окончания правления Алкмеона (753 г. до н.э.) получает и дополнительные независимые подтверждения, как прямые, так и косвенные, о чем также будет говориться в дальнейшем.

Бросается в глаза тот факт, что некоторые из перечисленных имен характерны для ономастикона скорее не Кодридов-Медонтидов, а других знатных родов. Так, имена Мегакл и Алкмеон в архаическую и классическую эпоху были чрезвычайно употребительны в роде Алкмеонидов, имя Агаместор встречается в роде Филаидов, имя Арифрон – в роде Бузигов.

Является ли обозначенное противоречие реальным или кажущимся и может ли оно как-нибудь быть разрешено? Не считая вышеупомянутой гиперкритической гипотезы о фальсификации списка архонтов (ее приверженцы считают, что Алкмеониды, Филаиды и пр. «задним числом» вставили туда «свои» имена), теоретически возможны три ответа на вопрос. Первый из них предполагает, что архонтская магистратура уже в столь ранние времена не была монополией Медонтидов и ее могли занимать также представители других родов, которые и оставили в списке свой ономастический «след». Но это противоречит данным источников (см. ниже в связи с Гиппоменом).

Согласно другой точке зрения, имена, которые были указаны нами, первоначально принадлежали ономастикону Кодридов-Медонтидов, а впоследствии в результате матримониальных связей перешли в роды Алкмеонидов, Бузигов и др.³⁹ Сам тот факт, что личные имена в античных Афинах и в Греции в целом переходили из рода в род как следствие межродовых браков, не подлежит никакому сомнению⁴⁰. Но мы позволим себе усомниться в том, что в данном конкретном случае процесс имел именно такую направленность, как предполагается вышеупомянутой гипотезой. Если имена Мегакл, Алкмеон, Арифрон, Агаместор изначально были «кодридскими», то почему же мы не встречаем этих имен в последующей истории бывшего царского рода (а его представители встречаются в источниках вплоть до римского времени⁴¹)? Особенно непонятно, каким образом имя Алкмеон могло перейти из рода Кодридов в род Алкмеонидов: а как же последний назывался до того?

³⁸ Приведем полную сводку: Медонт правил 20 лет, Акаст – 36 лет, Архипп – 19 лет, Ферсипп – 41 год, Форбант – 30 лет, Мегакл – 30 лет, Диогнет – 28 лет, Ферекл – 19 лет, Арифрон – 20 лет, Феспией – 27 лет, Агаместор – 17 лет, Эсхил – 23 года, Алкмеон – 2 года.

³⁹ Молчанов 2003, 142.

⁴⁰ Brenne 2001, 69.

⁴¹ Парадоксальным образом это обстоятельство ускользнуло от внимания автора недавней работы о Кодридах (Ленская 2003), где утверждается, что их сохранившаяся генеалогия обрывается в IV в. до н.э. и что «дальнейшая история рода нам неизвестна». О более поздних представителях рода Кодридов (вплоть до V в. н.э.) см. Молчанов 2003, 145, 150.

Наконец, третья точка зрения⁴², которой придерживается и автор этих строк⁴³, близка к предыдущей по своим исходным принципам, но расходится с ней в их конкретной трактовке. Она предполагает, что в результате матримониальных связей, когда правители из династии Кодридов-Медонтидов брали себе в жены представительниц других знатных родов (поскольку они не практиковали эндогамии, в отличие, например, от коринфских Бакхиадов), имена из этих родов попадали к Кодридам. Иными словами, например, Мегакл – не «кодридское» имя, ставшее «алкмеонидским», а наоборот – «алкмеонидское» имя, ставшее «кодридским».

Дальнейшее «дробление» института царской власти в Афинах, перерастание ее из монархии в коллегиальную полисную магистратуру – архонтат – шло по нескольким параллельным направлениям. Прежде всего, стал сокращаться срок пребывания архонта у власти. В 753 г. до н.э. этот срок был уменьшен с пожизненного до десятилетнего (Arist. Ath. pol. 3. 1; ср. Paus. IV. 5. 10; 13. 7). В качестве последнего пожизненного архонта в списке Кастора – Евсевия фигурирует некий Алкмеон, сын Эсхила, причем для него, как мы видели выше, указано крайне непродолжительное время правления – всего два года (755/754 – 754/753 гг. до н.э.). Был ли он в ходе реформы архонтата отстранен от власти? Или же допустить иной ход событий: Алкмеон оказался слабым, больным правителем (поэтому и у власти находился так недолго), что и стало после его смерти непосредственным поводом для реформы? Мы опять в ситуации, где категоричные суждения невозможны; в той или иной мере гипотетичной будет любая трактовка преобразования, о котором идет речь (а между тем значение самого этого преобразования трудно переоценить: ведь перед нами, по сути дела, ключевой шаг в складывании полиса со свойственной ему системой магистратур из примитивной протополисной монархии⁴⁴, первое ограничение – в данном случае временного характера, – наложенное на правителя его согражданами).

Более того, скептики, разумеется, подвергают сомнению как сам факт реформы, так и – особенно – ее датировку⁴⁵. Действительно, как мы можем быть уверены, что событие, о котором идет речь, имело место именно в 753 г. до н.э.? Разве возможно столь конкретное – с точностью до года – датирование фактов применительно к весьма ранней эпохе древнегреческой истории? Корректно ли опираться на хронологические выкладки таких авторов, как Кастор, живший много веков спустя? Имеем ли мы право указать даже более приблизительную дату (например, «середина VIII в. до н.э.»)? По мнению скептиков, ответы на все эти вопросы, конечно же, должны быть отрицательными; получается, что древнейшая история Афин «тонет во мраке неизвестности» и единственными достоверными данными о ней остаются археологические материалы.

Приведем некоторые контраргументы. Во-первых, – тут нам придется забежать несколько вперед – переход от десятилетнего срока архонтата к годичному твердо датируется 683 годом до н.э., и эта датировка вроде бы никем под сомнение не ставится. Как мы видели, и список эпонимных архонтов в Афинах начинался с 683/682 года до н.э.; этот факт тоже надежно доказан. Далее, перед годичными архонтами в источниках фигурируют семь десятилетних (имена см. ниже). Сумма

⁴² Arnheim 1977, 142 ff.

⁴³ Суриков 2000, 56–57.

⁴⁴ Суриков 2007, 45.

⁴⁵ Именно в подобном ключе было сформировано, пожалуй, наиболее настойчивое возражение С.Г. Карпюка при обсуждении нашего доклада, о котором говорилось выше.

сроков их правлений равняется 70 годам, что и дает нам в итоге опять же 753 год до н.э. как время перехода от пожизненного архонтата к десятилетнему. Таким образом, движение с двух противоположных концов хронологической шкалы привело нас к одной и той же точке, и это, надо полагать, о чем-то говорит. Во всяком случае, приведенный ход рассуждений, думается, не покажется убедительным лишь тому, кто считает, что вся традиция насквозь фальсифицирована, – а так считают только гиперкритики.

А вот и второй довод – на сей раз именно от археологии, которую столь уважают все те, кто отвергает достоверность многих нарративных источников. Иан Моррис, один из авторитетнейших археологов-классиков нашего времени, в своей этапной книге⁴⁶ очень убедительно показал – причем на чисто археологическом материале, в основном путем анализа погребальных комплексов, – что в середине VIII в. до н.э. в Афинах имели место некие чрезвычайно серьезные изменения социально-политического плана. Эти изменения ученый интерпретировал как рождение полиса, что совершенно верно. Правда, сам Моррис, оставаясь на чисто археологической почве, ни в какой мере не попытался сопоставить свои выводы с сообщением традиции о реформе архонтата *в то же самое время* (!). Судя по всему, это даже и не пришло ему в голову, помешал субъективно-гиперкритический настрой, то, что мы однажды⁴⁷ (в иной связи) назвали «ультраархеологическим» подходом⁴⁸. Впрочем, строго говоря, далеко не факт, что исследователю было знакомо редкое свидетельство Кастора, которое известно даже далеко не всем антиковедам-нарративистам.

Но мы произвести соответствующее сопоставление просто обязаны. Ведь опять-таки оказывается, что данные, почерпнутые из совершенно разных сфер (письменного источника и данных археологии), дают фактически один и тот же результат, в том числе и в хронологическом отношении. Что же, мы должны и это считать случайным совпадением? Но не слишком ли уж много набирается случайностей? На наш взгляд, гораздо конструктивнее констатировать наличие системных связей между событиями и процессами. А односторонний, крайний скептицизм бесплоден и вреден, как любая крайность. Тем более что гиперкритики, как неоднократно отмечалось⁴⁹, вынуждены на место источниковых данных ставить собственные умозрительные реконструкции, и совершенно непонятно, чем последние лучше первых.

Так, Ф. Стенли (будучи последователем Морриса, он тоже «не замечает» реформу 753 г. до н.э.⁵⁰) постулирует три возможных варианта развития политической

⁴⁶ Morris 1987, *passim*.

⁴⁷ Суриков 2009, 195.

⁴⁸ Последний является, в сущности, предельным выражением тенденций, заложенных в самом направлении «новой классической археологии» (к нему принадлежит и Моррис), которое стремится сделать археологическую науку независимой от исторической. Основные теоретико-методологические принципы этого модного ныне направления изложены, например, в обобщающих трудах его основателя Энтони Снодграсса: (1987; 2006). Ср. также довольно толковую характеристику направления: Almeida 2003, 119 ff. В целом о роли археологии в изучении архаической Греции на современном этапе (с оценкой соответствующих тенденций) см. Davies 2009.

⁴⁹ См. хотя бы: Фролов 1988, 18 слл.

⁵⁰ И поэтому расплывчато пишет, что в Афинах «институт царской власти был отменен к 682/681 г. до н.э., когда была впервые учреждена годичная должность архонта» (Stanley 1999, 150).

жизни в греческих полисах VIII–VII вв. до н.э. По его мнению, в каждом полисе в рассматриваемый период имелись три основные борющиеся силы: цари, аристократия и верхушка демоса (зажиточные крестьяне-гоплиты). Соответственно, могли объединяться либо аристократы с верхушкой демоса против царей (случай Коринфа, где это повело к ликвидации монархии и установлению олигархии Бакхиадов), либо цари с верхушкой демоса против аристократов (случай Аргоса, где на этой «волне» поднялся Фидон⁵¹), либо цари с аристократией против верхушки демоса (случай Спарты, где в результате утвердилось ее уникальное государственное устройство)⁵². В Афинах, полагает Стенли, события пошли (вначале) скорее по «аргосскому» пути⁵³. Изложенная здесь гипотеза в некоторых отношениях небезынтересна, в других своих аспектах вызывает серьезные возражения. Но здесь мы не будем подробно углубляться в этот сюжет, отложив это до другой статьи, и вернемся к основной нити изложения.

После 753 г. до н.э. в свидетельстве Кастора присутствуют имена семи архонтов, правивших по десять лет каждый: Хароп, Эсимид, Клидик, Гиппомен, Леократ, Апсандр, Эриксий. Наиболее известен из перечисленных лиц Гиппомен, о котором будет сказано ниже; остальные же для нас – фактически *nomina nuda*⁵⁴. Только об Эсимиде, втором десятилетнем архонте, есть сообщение еще у Павсания (IV. 5. 10), где указано, что он был сыном Эхила⁵⁵. Между прочим, эта деталь представляет значительный интерес. Напомним, что Эхилом звали предпоследнего пожизненного архонта (правившего в 778/777–756/755 гг. до н.э.). Архонтат же Эсимиды падает на 743/2–734/3 годы до н.э. Весьма вероятно, что перед нами отец и сын. Во всяком случае, не приходится сомневаться в их родстве: оба принадлежали к роду Медонтидов, который и после учреждения десятилетнего архонтата еще некоторое время удерживал в своих руках монополию на пост архонта (об изменении ситуации см. ниже).

В конце концов, в 683 г. до н.э. был сделан еще один, последний шаг по тому же пути сокращения срока архонтства: отныне архонты оставались в своей должности в течение лишь одного года. Первым годичным архонтом стал некто Креонт (судя по имени, знатный аристократ). Отныне прочно утвердился именно такой порядок. Кстати, только с его введением высший магистрат полиса становился в полной

⁵¹ Недавно М. Кыйвом были приведены аргументы в пользу датировки правления Фидона VIII веком до н.э. (Kõiv 2003, 239 ff.). Мы, однако, пока предпочитаем оставаться при своей прежней точке зрения, согласно которой Фидон жил в первой половине VII в. до н.э. и в конце жизни «приложил руку» к свержению коринфских Бакхиадов (ср. Суриков 2005а, 22, прим. 3). Наличие басилеев из рода Теменидов зафиксировано в Аргосе вплоть до первой половины V в. до н.э. (Robinson 1997, 82 f.). О династии Теменидов в целом см. Молчанов 2004.

⁵² Stanley 1999, 128.

⁵³ Stanley 1999, 150.

⁵⁴ Кстати, ровно то же можно сказать и о подавляющем большинстве пожизненных архонтов. Между прочим, это один из аргументов в пользу того, что их имена не фиктивны, а историчны. Ср. описание аналогичной ситуации у И. Малкина – видного исследователя древнегреческой колонизации – в связи с именами ойкистов ранних колоний. Многие из этих имен никому ничего не говорят и именно поэтому вызывают у ряда специалистов недоверие. Но Малкин подчеркивает, что именно данное обстоятельство говорит в пользу аутентичности имен ойкистов: кому бы и зачем бы было нужно выдумывать абсолютно ни с чем не ассоциирующиеся имена? См. Malkin 2009, 374.

⁵⁵ Carlier 1984, 363.

мере и эпонимным магистратом. Годичного архонта (даже если бы он оставался единоличным), конечно, уже ни в коей мере нельзя назвать монархом.

Одновременно с описанным процессом имел место другой: была ликвидирована монополия одного рода Кодридов-Медонтидов на занятие архонтской должности. Теперь верховным магистратом в государстве мог становиться, насколько можно судить, любой из евпатридов – представителей высшей знати. Это произошло, по традиционной хронологии, около 713 г. до н.э., в конце правления десятилетнего архонта Гиппомена (кстати, получается, что до того за ограничение власти правителя боролись его же родственники). О Гиппомене рассказывали, что он вызвал всеобщее возмущение тем, что подверг бесчеловечной казни собственную дочь, совращенную кем-то из афинян. После этого он был отрешен от должности – ἐξέπεσε τῆς ἀρχῆς (Suid. s.v. Ἴππομένης), и в результате власть Кодридов прекратилась⁵⁶ – τὴν Κοδριδῶν ἀρχὴν... καταλύθῃναι (Diogenian. III. 1; об инциденте с Гиппоменом см. также Arist. Ath. pol. epit. 3; Diod. VIII. 22. 1).

Разумеется, мы вовсе не обязаны верить всему в упомянутой истории. Не исключено, что перед нами этиологическая легенда, связанная с именем Гиппомена (орудием казни послужил конь-ἵππος). Однако сам тот факт, что этот архонт был отстранен и в связи с этим круг потенциальных кандидатов на архонтат расширен, вряд ли резонно отрицать. Дело, конечно, не в безнравственности Гиппомена, а в том, что афинские аристократы становились все более сильными и все более оттесняли от власти царскую династию. Не случайно уже в VII – начале VI в. до н.э. мы встречаем на посту архонта-эпонима представителей знатнейших евпатридских родов – Филаидов (Мильтиад⁵⁷, Кипсел⁵⁸), Писистратидов (Писистрат⁵⁹), Алкмеонидов (Мегакл⁶⁰). Разумеется, на этот пост могли по-прежнему попадать и Кодриды (наиболее известные случаи – архонтаты Солона в 594/593 г. до н.э. и

⁵⁶ Строго говоря, здесь в источнике небольшая неточность: корректнее было бы в данной связи говорить не о Кодридах, а о Медонтидах. Два понятия не вполне совпадают. Медонтиды были лишь одной из ветвей рода Кодридов (который, в свою очередь, являлся одной из ветвей рода Нелеидов, пилосского по происхождению). Например, Солон фигурирует в нарративной традиции как Кодрид, но ни один источник не относит его к Медонтидам (Carlier 1984, 370); Писистрат не был ни Медонтидом, ни Кодридом, а вот к Нелеидам принадлежал (Суриков 2005б, 176). Ошибочное мнение о происхождении Писистрата «из рода древних афинских царей Кодридов» см. Туманс 2002, 304.

⁵⁷ Архонт 664/663 и 659/658 гг. до н.э. (Paus. V. 23. 10; VIII. 39. 3). Кстати, если Павсаний не ошибся, перед нами редчайший случай – одно и то же лицо становится архонтом-эпонимом два раза, что в принципе было запрещено. Либо в первой половине VII в. до н.э. запрет еще не был установлен (что маловероятно, поскольку это подрывало бы сам принцип эпонимности), либо мы имеем дело с какой-то экстраординарной ситуацией, о которой ближе ничего не известно, либо, наконец, следует говорить не об одном человеке, а о двух архонтах-тезках (а в таком случае они, несомненно, были родственниками).

⁵⁸ Архонт 597/596 г. до н.э. Факт его архонтата стал известен из фрагмента упоминавшегося выше списка архонтов.

⁵⁹ Архонт 669/668 г. до н.э. (Paus. II. 24. 7). Это, разумеется, не тиран, а кто-то из его предков.

⁶⁰ Точное время архонтства Мегакла в источниках не зафиксировано. Однако известно, что как раз на его срок пришелся известный мятеж Килона, который, по нашим исчислениям, имел место с наибольшей вероятностью в 636 г. до н.э. (Суриков 2000, 33–36). Следовательно, Мегакла можно считать архонтом 636/635 г. до н.э. У Р. Девелина (1989, 30) его архонтат датируется 632/631 г. до н.э. (со знаком вопроса), но это менее вероятно.

Дропиды в 593/592 г. до н.э.), но теперь такие случаи были уже не правилом, как раньше, а скорее исключениями.

Наконец, параллельно шел и третий (пожалуй, самый важный) процесс. Наряду с сокращением срока власти правителя сокращался и ее объем. Одно из главных требований формирующейся полисной государственности заключалось в том, чтобы ни один гражданин не мог, пусть даже на краткое время, сконцентрировать в своих руках слишком обширные полномочия. Власть должна была быть как можно больше раздробленной, чтобы никто не выделялся из числа других, чтобы соблюдались принципы равенства и коллегиальности. Нет сомнения, что на этом особенно настаивала аристократия, для которой в эпоху архаики был характерен, по выражению одного исследователя⁶¹, своеобразный «республиканизм». Архаическое аристократическое общество было обществом «равных», так сказать, «пэров», которые старались не допустить существования над ними «первого». Потому-то они и покончили с правлением древних басилеев. Для ограничения притязаний этих последних были введены другие высшие (архонтские) должности наряду с царской.

О том, как конкретно это происходило, наиболее подробно пишет Аристотель. Соответствующий пассаж (Ath. pol. 3. 2–4) настолько важен, что необходимо процитировать его *in extenso*: «Важнейшими и первыми по времени из должностей были басылей⁶², полемарх и архонт. Из них первую была должность басылея, она была унаследованной от отцов (πάτριος). Второй присоединилась должность полемарха ввиду того, что некоторые из царей оказались в военных делах слабыми. По этой причине и пригласили Иона, когда наступили затруднительные обстоятельства. Последней является должность архонта. Большинство говорит, что она возникла при Медонте, а некоторые, что при Акасте... (далее следует фрагмент, уже цитированный нами выше. – И.С.). А что эта должность установлена последней из высших должностей, доказательством служит и то, что архонт не распоряжается никакими из дел, унаследованных от отцов (τῶν πατρίων), как басылей и полемарх, а все только вновь заведенными (τὰ ἐπίθετα). Поэтому лишь недавно эта должность приобрела важное значение, будучи расширена дополнительными обязанностями (τοῖς ἐπιθέτοις). Что же касается фесмофетов, то они были избраны много лет спустя, когда уже выбирали должностных лиц на год».

При всей своей информативности это свидетельство порождает ряд проблем и недоумений. Прежде всего сразу бросается в глаза, что в нем отразилась дискуссия об «исконных, отеческих» (πάτριος) и «добавленных, нововведенных» (ἐπίθετος) полномочиях государственных институтов. Такая дискуссия развернулась в Афинах начиная с реформы Ареопага, проведенной Эфиальтом в 462 г. до н.э. (эта реформа декларировалась именно как лишение Ареопага «добавленных» полномочий⁶³) и достигла своего пика в период Пелопоннесской войны, когда в общественной мысли активно обсуждался вопрос об «отеческом государственном устройстве» (πάτριος πολιτεία). Иными словами, источник Аристотеля по данному сюжету (а это, весьма вероятно, кто-то из аттидографов) был отнюдь не свободен от политических пристрастий, что делает все свидетельство тенденциозным.

⁶¹ Greenhalgh 1972, 190 ff.

⁶² В переводе С.И. Радцига – «царь», что вряд ли уместно, поскольку перед нами явно *terminus technicus*.

⁶³ Подробнее см. Суриков 1995.

Далее, удивляют те весьма ранние датировки, которые мы встречаем в этом месте «Афинской политики». Если им верить, оказывается, что должность архонта-полемарха была введена уже во времена Иона, т.е. до Троянской войны. Однако в ту далекую эпоху в Афинах, несомненно, вообще еще не существовало никаких архонтских должностей. Впрочем, не исключено, что до Аристотеля дошел в искаженной форме отголосок воспоминаний о реальном историческом событии – имевшем место на каком-то этапе истории «дворцовых царств» II тыс. до н.э. – отделении должности военачальника (лавагета) от должности правителя (анакта). Таблички линейного В фиксируют уже именно такую ситуацию – с разделением функций этих двух лиц⁶⁴. Равным образом и датировка складывания коллегии трех высших магистратов – при Медонте или Акасте – явно представляется слишком ранней.

Впрочем, это не должно нас смущать. Хорошо известно, что античные авторы имели склонность «удревнять» многие важные события своей истории, которые они не могли точно датировать. Так, синойкизм Аттики во всей нарративной традиции чрезвычайно устойчиво связывается с именем Тесея и, таким образом, тоже с периодом до Троянской войны. В действительности же, по практически единодушному мнению современных исследователей, он имел место значительно позже, осуществлялся в течение нескольких столетий и завершился к началу VII в. до н.э.⁶⁵ Скорее всего, аналогичным образом обстояло дело и с архонатом: следует говорить о длительном процессе его формирования, охватившем «Темные века» и часть архаической эпохи.

О конкретных механизмах, посредством которых осуществлялся этот процесс перехода от монархии к своеобразному «триумvirату», можно опять же только догадываться. Отметим, однако, что та последовательность возникновения магистратур, которую приводит Аристотель (басилей – полемарх – архонт), представляется вполне историчной. В частности, чрезвычайно тонким и верным выглядит наблюдение автора «Афинской политики», что в компетенции архонта-эпонима оказались те функции, которые возникли довольно поздно. Это особенно отчетливо видно на материале религиозной жизни афинского полиса. Так, руководство теми праздниками, которые существовали с древнейшего времени, осуществлял архонт-басилей, а теми, которые были введены впоследствии, – архонт-эпоним⁶⁶.

Наиболее точно можно датировать возникновение последней архонтской магистратуры – фесмофетов. Кстати, она сама по себе имела коллективный характер, включая шесть должностных лиц, и это уже свидетельствует о ее позднем характере, о происхождении ее в аристократическую, полисную эпоху, когда любое проявление монархического принципа отвергалось. *Terminus post quem* для учреждения фесмофетов дает сам Аристотель – после того, как власть архонтов была сделана годичной, т.е. после 683 г. до н.э. *Terminus ante quem* определяется тем обстоятельством, что Драконт, составивший в 621/620 г. до н.э. первый свод письменных законов для Афин, занимал пост фесмофета (Paus. IX. 36. 8). Таким образом, к

⁶⁴ Молчанов, Нерознак, Шарыпкин 1988, 38–39.

⁶⁵ Исключение составляет точка зрения М. Финли, который вообще не верит в синойкизм и считает, что Аттика с бронзового века всегда была единой в политическом отношении: Finley 1981, 117.

⁶⁶ Если взять в качестве примера праздники в честь Диониса, окажется, что Ленеями – более древним из этих праздников – руководил басилей (Arist. Ath. pol. 57. 1), а Великими Дионисиями, учрежденными в VI в. до н.э., – эпоним (ibid. 56. 4).

его времени должность уже существовала. Высказывалось мнение⁶⁷, что уже сразу после подавления мятежа Килона (636 г. до н.э.) фесмофеты осуществили запись закона, устанавливавшего наказание за попытку установления тирании⁶⁸.

Как бы то ни было, во второй половине VII в. до н.э. коллегия архонтов в Афинах существовала уже практически в законченном виде. Позже к ним был добавлен лишь секретарь (впрочем, как мы уже знаем, это не отразилось на названии коллегии – «девять архонтов»), что произошло, судя по всему, довольно поздно, не раньше конца VI в. до н.э. (см. ниже).

На этапе, о котором идет речь, назначение архонтов на их должности осуществлялось, как сообщает Аристотель, Ареопагом: «В старину Совет Ареопага приглашал к себе кандидата и, обсудив в своей среде его кандидатуру, назначал на каждую из должностей подходящего человека на год, после чего отпускал его» (Ath. pol. 8. 2). Хотя это сообщение и вызывает иногда недоверие исследователей⁶⁹, мы, в принципе, не видим в нем ничего невероятного. Напротив, именно такой порядок представляется вполне естественным в аристократическом государстве, каким были досолоновские Афины. Высших магистратов избирал Совет, включавший в себя верхушку знати; он же проводил на своем заседании некое подобие докимасии кандидатов. Впоследствии, при возникновении классической демократии, эти принципы были позаимствованы у аристократии демосом – как заимствовал он в это время и прочие аристократические по происхождению институты и ценности⁷⁰.

Кстати, избирая архонтов, Ареопаг тем самым заботился и о чистоте собственного состава. Ведь этот орган комплектовался именно из бывших архонтов, чей годичный срок пребывания в должности закончился. А второй раз занимать архонтскую должность лицо, уже побывавшее на ней, не имело права. Правда, высказывалось мнение⁷¹, что этот запрет касался только поста архонта-эпонима, а басилеем, полемархом, фесмофетом можно было становиться неограниченное количество раз. Возможно, эта точка зрения и верна, но опоры в традиции для нее мы не находим. Большую помощь могли бы оказать списки младших членов коллегии. Но такие списки либо не велись (календарных функций они не могли выполнять), либо, во всяком случае, утрачены безвозвратно.

Очередная реформа архонтата падает на время деятельности Солона. Как известно, в 594 г. до н.э. последний был избран архонтом-эпонимом (Arist. Ath. pol. 5. 2; Plut. Sol. 14: Diog. Laert. I. 62) и одновременно облечен чрезвычайными полномочиями для проведения реформ. Иными словами, его назначение было экстраординарным. Механизм этого назначения сам по себе не вполне ясен. Если в досолоновское время архонты избирались Ареопагом, то в ходе солонических реформ в этом порядке произошли изменения. Если верить тому же Аристотелю (Ath. pol. 8. 1), архонтов теперь стали избирать по жребию из числа кандидатов, предварительно намеченных филами. Однако чуть ниже (Ath. pol. 13. 2) автор «Афинской политики» говорит в контексте 580-х годов до н.э., т.е. уже послесолоновского периода, об архонтах, избранных не жребием, а голосованием, употребляя глагол αἱρέω. Налицо явное противоречие.

⁶⁷ Gagarin 1981.

⁶⁸ Это тот самый древний закон о тирании, который упоминает Аристотель (Ath. pol. 16. 10).

⁶⁹ Например: Sealey 1976, 96.

⁷⁰ Ср.: Суриков 2004б, 20.

⁷¹ Forrest, Stockton 1987.

Далее, из Фукидида (VI. 54. 6) известно, что тираны Писистратиды стремились всегда назначать на архонтские должности своих ставленников, и эта информация подтверждается фрагментом списка эпонимных архонтов 520-х годов до н.э. (см. ниже). Такая практика вряд ли совместима с жеребьевкой (как можно влиять на жребий?). Скорее архонты в период тирании избирались, а правящий тиран просто рекомендовал гражданам своего кандидата (подобные же рекомендации при выборах консулов несколько веков спустя практиковали римские принцепсы). Естественно, рекомендация Писистрата или Гиппия оказывалась фактически принудительной, и нужное лицо добивалось должности. Наконец, в связи с реформой архонтата в 487 г. до н.э., когда архонты действительно стали избираться по жребию, Аристотель (Ath. pol. 22. 5) пишет: «Прежде же все (архонты. – *И.С.*) были выборные».

Из всего сказанного вытекает, что основатель перипатетической школы, приписывая Солону введение жеребьевки архонтов, допустил какую-то ошибку. Более того, он вступил в противоречие с собственными же суждениями, высказанными в других местах, причем не только в «Афинской политике», но и в «Политике»⁷². Действительно, в этом последнем трактате (Pol. 1274 a1 sqq., a15 sqq.) сказано буквально следующее: «Солон, по-видимому, удержал то, что уже существовало прежде, а именно ареопаг и выборность должностных лиц... Солон, по-видимому, дал простому народу лишь самую необходимую власть – избирать должностных лиц и принимать от них отчеты»⁷³. В этом пассаже перед нами предстает совсем иная картина. Ни о какой жеребьевке архонтов речь вообще не идет; напротив, эксплицитно утверждается, что архонтские должности остались выборными, но теперь прерогатива этих выборов перешла от Ареопага к демосу, т.е. к народному собранию.

Именно такой ход событий представляется наиболее вероятным, тем более что он прекрасно коррелирует с тем, что известно о конституционной истории афинского полиса. Жеребьевка архонтов начала применяться лишь с первых десятилетий V в. до н.э. (о сопряженных с этим вопросом трудностях см. ниже). До того их избирали голосованием, но на каком-то этапе это действительно стал делать не Ареопаг, а экклесия. Чисто теоретически можно предложить четыре возможные датировки этого изменения: а) при Солоне, в 594 г. до н.э.; б) после свержения в 580 г. до н.э. Дамасия, незаконно удерживавшего архонтскую должность в своих руках более двух лет; в) при Писистратидах; г) при Клизфене. Два последних варианта можно сразу отбросить: с тираническим режимом подобное расширение полномочий демоса слабо согласуется, а в числе реформ Клизфена рассматриваемую здесь меру не называет ни один из античных авторов, подробно рассказывающих о его преобразованиях. Что же касается двух датировок, названных первыми, «солоновская», бесспорно, выглядит намного предпочтительнее, поскольку подкрепляется прямым свидетельством аристотелевой «Политики».

Нам представляется, что в 594 г. до н.э. Солон впервые в афинской истории стал архонтом именно таким путем – через избрание всем гражданским коллективом, а не одним Ареопагом, как раньше. Это воспринималось, повторим, как экстраординарная мера: ведь назначался не просто рядовой архонт, а законодатель и реформатор. А в дальнейшем новый порядок прижился и стал нормой. В этом-то, собственно, и заключалась солоновская реформа архонтата.

⁷² Ср.: Forrest 1966, 164; Figueira 1984, 472–473.

⁷³ «Политика» цитируется в переводе С.А. Жебелёва.

Тот же Солон, как известно, разделил афинских граждан на четыре имущественных класса – пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов. Во всяком случае, так говорит традиция (или одна из ветвей традиции), хотя в действительности он, скорее всего, лишь внес определенные модификации в ранее существовавшую систему классов⁷⁴. Впрочем, данная проблема, сама по себе непростая и дискуссионная, лежит за пределами нашего исследования. Она интересует нас лишь постольку, поскольку имеет отношение к реформе архонтата.

Дело в том, что, хотя по солоновскому законодательству активное избирательное право получили все граждане, пассивное (право быть избранным на ту или иную должность) все же не стало прерогативой беднейших из них. Были установлены имущественные цензы для различных магистратур. Так, чтобы стать казначеем, необходимо было принадлежать к высшему классу пентакосиомедимнов.

Что же касается архонтских должностей, известно, что в 457 г. до н.э. к ним были впервые допущены зевгиты (см. ниже). Сообщая об этом, Аристотель (*Ath. pol.* 26. 2) добавляет: «А до этого времени все (архонты. – *И.С.*) были из всадников и пентакосиомедимнов, зевгиты же обычно исполняли рядовые должности, если только не допускалось какого-нибудь отклонения от предписаний закона». Кстати, обратим внимание на эту последнюю оговорку. Делая ее, автор трактата тем самым, по сути дела, признает, что нарушения закона, о которых он говорит, случались и что зевгиты в отдельных случаях могли становиться архонтами и в более ранние эпохи. Это вполне соответствует тому, что мы знаем о правосознании афинян, которые отнюдь не делали кумира из буквы закона⁷⁵.

Однако, если говорить не о нарушениях, а о норме, вполне ясно, что в рамках солоновского порядка право становиться архонтами имели граждане, входящие в состав первых двух классов. Можно, правда, предположить еще, что первоначально это право вообще распространялось только на пентакосиомедимнов, а всадники получили его позднее, но тогда встанет вопрос: когда именно? А никакого ответа на этот вопрос, ни малейшего намека на такой ответ в источниках мы не находим. А значит, перед нами – менее вероятный вариант развития событий.

В послесолоновских Афинах архонтские должности, особенно магистратура архонта-эпонима, стали предметом чрезвычайно острой борьбы. Это не удивительно, коль скоро теперь на них избирали общенародным голосованием: это уже само по себе должно было повысить значение данного властного института. Политический конфликт в ближайшие десятилетия после реформ Солона разворачивался во многом именно вокруг архонтата. Предоставим слово опять Аристотелю (*Ath. pol.* 13. 1–2):

«На пятый же год после правления Солона не могли выбрать архонта вследствие смуты, и дальше на пятый год по той же причине было безвластие (*ἀναρχία*⁷⁶). А после этого, спустя такой же промежуток времени, Дамасий, избранный архонтом, управлял два года и два месяца, пока не был силой устранен с должности⁷⁷. Потом афиняне решили, ввиду происходивших смут, выбрать в архонты десятерых лиц: пя-

⁷⁴ Ср.: Bugh 1988, 22; Foxhall 1997, 61 ff.; Wees 2006, 351 ff.; Rhodes 2006, 253; Суриков 2008а, 44 сл.

⁷⁵ Суриков 1999, 37–38.

⁷⁶ Строго говоря, *ἀναρχία* здесь нужно понимать не в общем смысле, как «безвластие, анархия», а в смысле узкотехническом, как отсутствие архонта – высшего должностного лица государства. Аристотель, несомненно, знакомился с афинским списком архонтов (эта его часть до нас не дошла), и там в соответствующих двух местах либо просто не стояло никаких имен, либо так и было написано: *ἀναρχία*.

⁷⁷ Дамасий стал архонтом в 582/581 г. до н.э., а отстранен был в начале 580/579 г. до н.э.

терых – из евпатридов, троих – из земледельцев, двоих – из ремесленников, и эти архонты правили в течение года после Дамасия. Это и показывает, что архонт имел весьма большую силу, так как, по-видимому, все время шла борьба из-за этой должности».

При интерпретации данного пассажа (очень ценного в источниковом отношении, поскольку Аристотель опирался на данные списка архонтов, а та его часть, которая относится к началу VI в. до н.э., до наших дней почти целиком не дошла) следует постоянно держать в памяти, что речь идет о том периоде истории Афин, когда назревали предпосылки для установления тирании. Борющимся друг с другом аристократам, вне сомнения, представлялось, что архонтская должность может стать очень удобным стартовым пунктом для захвата тиранической власти. С предельной ясностью это видно на примере инцидента с Дамасием. Этот предшественник Писистрата, незаконно удерживая власть в своих руках значительно дольше положенного годовичного срока, стремился таким способом стать единоличным правителем полиса, фактически осуществляя в мягкой форме государственный переворот. Новым явлением стали и годы «анархии», когда высшего магистрата просто не удавалось избрать. Очевидно, в условиях, когда выборы перешли в народное собрание, сделать это было значительно сложнее, чем раньше, когда ареопагиты в своем относительно небольшом составе всегда могли путем взаимных уступок прийти к какому-то компромиссу.

Но наиболее загадочно во всем процитированном пассаже то место, в котором говорится о выборах десяти архонтов после свержения Дамасия⁷⁸. Аристотель здесь, как и во многих других местах «Афинской политики», краток до невнятности, к тому же не дает никакого исторического контекста (похоже, что он его и не знал). Прежде всего, непонятно, были ли эти десять архонтов выбраны на место ординарной коллегии девяти архонтов или на место только архонта-эпонима. Второй вариант представляется предпочтительным, поскольку основная борьба шла именно за должность эпонима, и именно с нее был только что смещен Дамасий.

Другая неясность связана с теми социальными слоями, сословиями, классами или группировками, из которых на пропорциональной основе были избраны десять архонтов: евпатридами, агроиками (земледельцами, крестьянами) и демиургами (в позднейшем смысле – ремесленниками, но что этот термин обозначал в начале VI в. до н.э., очень трудно судить)⁷⁹. Что это за внезапно появляющиеся группы населения? В каком отношении и соотношении они находились друг к другу (а также к региональным группировкам педиеев, паралиев и диакриев, которые как раз в то время зарождались в Аттике)? Почему была установлена именно такая пропорция – 5:3:2? На все эти вопросы пока нет (и, возможно, никогда не будет) однозначного и непротиворечивого ответа.

Нам кажется наиболее вероятной следующая реконструкция. Когда в начале 580/579 г. до н.э. Дамасий был отрешен от должности архонта-эпонима, в Афинах возникла беспрецедентная ситуация. На оставшиеся десять месяцев года государство не имело высшего магистрата, что, естественно, не могло быть допущено ни по каким соображениям – ни по политическим, ни по религиозным. А избирать на этот срок нового архонта было поздно, да и опять же шло вразрез со всеми

⁷⁸ Об этом эпизоде афинской истории см. наиболее подробно: Figueira 1984, – впрочем, мы далеко не во всем согласны с выводами Т. Фигейры. В частности, он считает, что десять архонтов были избраны на 579/578 год до н.э., в то время как, по нашему мнению, эти выборы имели место *сразу* после свержения Дамасия и имели в виду 580/579 год до н.э. (его оставшуюся часть).

⁷⁹ О трех перечисленных группах населения см. Roebuck 1974.

традициями. Из экстраординарного положения был найден экстраординарный же выход: на место одного архонта избрали десять магистратов (так сказать, «децем-виров»), каждый из которых должен был занимать должность в течение месяца. А вышеупомянутая пропорция, очевидно, отражала соотношение сил борющихся сторон (хотя о деталях этой борьбы можно только гадать).

Разумеется, это – лишь одна из возможных гипотез, вовсе не претендующая быть абсолютной истиной. Впрочем, ясно одно: какой бы характер ни имел данный политико-правовой эксперимент, он не получил никакого продолжения и никаких последствий. Больше о подобной практике мы не слышим; судя по всему, после ликвидации кризиса власти афиняне вернулись к нормальной, традиционной системе.

В период тирании Писистратидов значение архонтата в Афинах несколько снизилось. Это и не удивительно: теперь архонт фактически больше не был первым лицом в государстве, выше него стоял тиран. Тем не менее никаких попыток отменить архонтат или внести в этот институт какие-либо изменения ни Писистрат, ни Гиппий, как и следовало ожидать, не предприняли. По словам Фукидида (VI. 54. 6), «тираны заботились лишь о том, чтобы кто-нибудь из их сторонников всегда занимал должность архонта».

Это суждение общего характера полностью подтверждается конкретными фактами. Известно, что должность архонта-эпонима занимали сам Гиппий (в 526/525 г. до н.э.), его сын Писистрат Младший (в 522/521 г. до н.э.), а кроме них, такие видные аристократические лидеры, как Клисфен из рода Алкмеонидов (в 525/524 г. до н.э.) – будущий «отец афинской демократии» – и Мильтиад из рода Филаидов (в 524/523 г. до н.э.) – будущий марафонский победитель. Оба были еще молодыми людьми и входили в ту пору в окружение Гиппия⁸⁰.

Зато после свержения тирании в Афинах роль архонтата и особенно магистратуры архонта-эпонима чрезвычайно возросла⁸¹. Эта последняя стала, по сути дела, «президентской»; на хронологическом отрезке между 510 и 487 гг. до н.э. мы находим на ней виднейших афинских политиков. Среди них опять же представители старинных родов – Филаидов (Исагор)⁸², Алкмеонидов (Алкмеон)⁸³, Писистратидов (Гиппарх, сын Харма)⁸⁴, а также не столь знатные, но весьма перспективные Фемистокл⁸⁵ и Аристид⁸⁶.

⁸⁰ Об архонтате Писистрата Младшего сообщает Фукидид (VI. 54. 6–7), об архонтате Мильтиада – Дионисий Галикарнасский (Antiq. Rom. VII. 3. 1); об архонтате Гиппия и Клисфена впервые стало известно после публикации эпиграфического фрагмента списка архонтов 520-х годов до н.э. (Meritt 1939). Не скажем, что в связи с памятником не существует никаких проблем; см., например, попытку оспорить его аутентичность (Plommer 1969), а также работу, где приводятся аргументы (впрочем, крайне неудачные) в пользу того, что Писистрат Младший был архонтом уже после свержения афинской тирании (Arnush 1995). Однако все эти проблемы, на наш взгляд, разрешимы без помощи экзотических гипотез.

⁸¹ Об этом периоде истории архонтата см. Kelly 1978.

⁸² Архонт 508/507 г. до н.э. (Arist. Ath. pol. 21. 1). О принадлежности Исагора к роду Филаидов см. Bicknell 1972, 84–88; Суриков 2011б, 50–51. Попытка оспорить тождество Исагора-архонта и Исагора – противника Клисфена (McCargar 1974) не представляется убедительной.

⁸³ Архонт 507/6 г. до н.э. См. Bicknell 1972, 54–63; McCargar 1976.

⁸⁴ Архонт 496/495 г. до н.э. По поводу этого и следующих архонтатов см. Суриков 1995, 33.

⁸⁵ Архонт 493/492 г. до н.э. Фемистокл принадлежал к боковой ветви рода Ликомидов. О его происхождении см. Frost 1968; Bicknell 1982; Harvey 1986; Суриков 2008б, 150 слл. О его архонтате см. Fornara 1971б; Ставнюк 2004, 39 слл.

⁸⁶ Архонт 489/488 г. до н.э.

Интересно, что демократические реформы Клисфена, внесшие коренные изменения в государственное устройство Афин, при этом, насколько известно, практически никак не затронули институт архонтата. Единственное изменение в этой коллегии, которое можно с наибольшей долей уверенности приписать клисфеновским временам, – увеличение числа ее членов с девяти до десяти посредством прибавки секретаря. Сделано это было, скорее всего, не по каким-либо принципиальным соображениям, а просто в связи с тем, что после учреждения системы новых десяти фил возникла необходимость привести все коллегиальные магистратуры в соответствие с этим числом.

Таким образом, архонтат был инкорпорирован в политическую систему афинской демократии. Укажем в данной связи, что процедура остракизма, введенная законом, принятым при Клисфене⁸⁷, проводилась именно под председательством архонтов (Philochor. FGrHist. 328. F30); очевидно, каждый из членов коллегии наблюдал за голосованием граждан одной из десяти фил.

В период, о котором идет речь, архонтские должности не были еще отодвинуты на второй план никакими иными магистратурами. Правда, как раз в ходе клисфеновских реформ, в конце VI в. до н.э., была учреждена коллегия стратегов (Arist. Ath. pol. 22. 2), которую ждала большая будущность. Однако на первых порах стратеги отнюдь не были конкурентами архонтам и воспринимались как подчиненные, низшие по сравнению с ними магистраты. Об этом прямо говорит Аристотель, который, упомянув в только что приведенном месте о введении стратегов, тут же прибавляет: «предводителем же всей вообще армии был полемарх». Такое положение сохранялось (во всяком случае, номинально) еще в 490 г. до н.э., во время Марафонского сражения (ср. Herod. VI. 109–110).

Когда же стратеги, так сказать, «одолели» архонтов? Сразу оговорим, что, употребляя это фигуральное выражение, мы отнюдь не имеем в виду, что в Афинах происходила борьба между институтами архонтата и стратегии. В нашей историографии популярно писать в этом ключе, например, утверждать, что в Спарте имела место «борьба между царской властью и эфоратом» и т.п. Подчеркнем: сами по себе архонтат и стратегия не могли вступать между собой в борьбу, поскольку они являлись институтами, стало быть, в известной мере абстракциями. Борьбаться друг с другом могли конкретные архонты и стратеги. Да и тут следует учитывать, что в условиях реальной политической жизни сегодняшней архонт мог на следующий год стать стратегом и наоборот.

Но все же, когда произошел, так сказать, «коренной перелом» в истории архонтата? Можно назвать точную дату этого события, последней по-настоящему крупной и значимой реформы интересующей нас магистратуры. Это – 487 год до н.э., когда, по сообщению Аристотеля (Ath. pol. 21. 5), – которое необходимо привести здесь полностью ввиду его значимости, – впервые «избрали по жребию девятерых архонтов по филам из предварительно намеченных демами пятисот кандидатов».

Итак, суть реформы – переход от избрания архонтов голосованием в народном собрании к жеребьевке, правда, из предварительно намеченных кандидатов⁸⁸. Упомянем возникающую в связи с реформой хронологическую проблему. Геродот (VI. 109), говоря о событиях 490 г. до н.э., пишет, что архонт-полемарх этого года Каллимах был «избран афинянами по жребию». Либо «отец истории» ошибается (что, в принципе, вполне возможно и даже наиболее вероятно, поскольку он

⁸⁷ Наиболее подробно см. Thomsen 1972; Суриков 2006.

⁸⁸ О реформе 487 г. до н.э. см. Cavaignac 1924; Buck 1965; Badian 1971.

никогда специально не занимался проблемами конституционной истории Афин). Либо «младшие» члены коллегии архонтов стали избираться по жребью несколько раньше, чем архонт-эпоним, – но тогда, получается, неточность допустил Аристотель? Либо, наконец, как предположил Р. Сили⁸⁹, Геродот имеет в виду, что члены коллегии архонтов избирались голосованием, но затем распределяли между собой архонтские должности по жребью. Но этот вариант тоже представляется нам вряд ли возможным, к тому же, кажется, он противоречит словоупотреблению у Геродота.

Как бы ни решать данный спорный вопрос, ясно одно: реформа 487 г. до н.э. стала весьма важной вехой в эволюции архонтата, мерой, подорвавшей значение этого института. Теперь архонтами становились не крупнейшие политические деятели, как раньше, а в основном случайные люди. В первые годы после реформы в числе эпонимных магистратов еще изредка обнаруживаются (видимо, по инерции) представители знатнейших и наиболее влиятельных родов⁹⁰, но уже вскоре их удельный вес практически сходит на нет. Кстати, это оказало самое непосредственное, хотя и не сиюминутное, влияние на состав Ареопага: этот орган, комплектовавшийся, как мы знаем, из бывших архонтов, лет через 20–25 должен был тоже превратиться в собрание случайных людей (что, несомненно, облегчило Эфиальту его знаменитую реформу 461 г. до н.э.).

В исследовательской литературе ведется дискуссия о том, кто из афинских политиков стал конкретным инициатором реформы архонтата, кому она была если не выгодна, то, так сказать, наименее невыгодна? В другом месте⁹¹ мы высказали предположение, что в данной связи речь следует вести о Фемистокле и Аристиде, и поныне остаемся на той же точке зрения. Оба названных политика к 487 г. до н.э. уже побывали архонтами-эпонимами, т.е. лично им реформа ничем не угрожала. Более того, в Ареопаге, состоящем не из ярких личностей, а из посредственностей, им легче было играть «первую скрипку».

Обновленный реформой архонтат не мог уже соперничать по влиятельности с коллегией стратегов. Ведь члены этой последней по-прежнему избирались голосованием и выступали как ответственные представители демоса. Кроме того, не забудем, что архонтом можно было стать лишь один раз в жизни, а стратегом – неограниченное количество раз.

Впрочем, падение политического влияния того или иного института и падение его авторитета – не одно и то же. Характерен в данной связи последний значимый факт из истории архонтата. В 457 г. до н.э. зевгиты получили право становиться архонтами (*Arist. Ath. pol.* 26. 2). Фетам такого права, насколько можно судить, официально не было дано никогда. Однако, во всяком случае, во времена Аристотеля *de facto* запрет элементарно обходился. Когда кандидатам на жеребьевку задавали вопрос, членом какого имущественного класса они являются, феты просто давали ложные сведения о своей принадлежности (*Arist. Ath. pol.* 7. 4), и на это смотрели «сквозь пальцы».

В допущении зевгитов (а фактически – и фетов) к архонтату не следует видеть дальнейшее снижение роли этого института. Скорее наоборот: коль скоро пред-

⁸⁹ Sealey 1976, 203–204.

⁹⁰ Каллиад, архонт 480/479 г. до н.э., возможно, принадлежал к роду Кериков. Ксантип, архонт 479/478 г. до н.э., был либо Алкмеонидом, либо Бузигом (его не следует путать с Ксантиппом, отцом Перикла, занимавшим в том же году пост стратега: совмещать эти две должности не дозволялось; ср. Figueira 1986, 257).

⁹¹ Суриков 1995, 34–35; там же – более подробная аргументация.

ставители низших имущественных классов добивались и добились для себя права быть архонтами, стало быть, они считали это право высоким и ценным. Никто не будет домогаться должности, которая не дает никакого престижа.

Более того, переход к жеребьевке архонтов в большей степени, чем раньше, придавал этой процедуре отчетливо-сакральный характер⁹². Ведь жребий в античности всегда рассматривался как проявление воли богов. И, в принципе, даже в эпоху поздней классики роль архонтата в системе афинского полиса не следует недооценивать⁹³. Не случайно Аристотель в очерке о современном ему состоянии государственного устройства Афин так подробно говорит обо всех членах коллегии архонтов и их функциях (Ath. pol. 55–59) – гораздо подробнее, чем о стратегах (Ath. pol. 61).

Главное, на наш взгляд, в другом. В результате длительного процесса эволюции, последним звеном которого стала реформа 487 г. до н.э., архонтат, оставаясь институтом по-прежнему значимым и авторитетным, перестал быть институтом *политическим* (в отличие от той же коллегии стратегов). Нетрудно заметить, что Аристотель применительно к IV в. до н.э. останавливается исключительно на религиозных и судебных полномочиях эпонима, базилея, полемарха и фесмофетов. Несомненно, он отразил реальное положение вещей. Архонтат выпал из политической жизни афинского государства, перешел в иные сферы общественного бытия⁹⁴. И в этом, пожалуй, главный итог его истории.

Литература

Доватур А.И. 1975: Политика и Политии Аристотеля. М.–Л.

Ленская В.С. 2001: Архонт-базилевс в Афинах // ВДИ. 4, 126–141.

Ленская В.С. 2003: Афинский род Кодридов // ВДИ. 3, 123–132.

Маяк И.Л. 1988: Ранняя Республика в Риме (V–IV вв.) // История Европы. Т. 1. Древняя Европа / Е.С. Голубцова (ред.). М., 347–373.

Молчанов А.А. 2000: Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М.

Молчанов А.А. 2003: Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (на примере именованного афинских эвпатридов X в. до н.э. – V в. н.э.) // Древнейшие государства

⁹² В целом о принципе жребия в античных полисах см. Mulgan 1984.

⁹³ С начала эпохи эллинизма эта роль, похоже, вновь возросла, да и в целом приходится говорить об определенных изменениях, связанных с архонтатом. Так, встречаются случаи, когда один и тот же гражданин повторно становился архонтом-эпонимом (например, известный политик и полководец Олимпиодор – в 294/293 и 293/292 гг. до н.э., два года подряд; см. Хабиخت 1999, 93). Не говоря уж о том, что в классическом афинском полисе подобная практика была наотрез запрещена, – абсолютно невероятно, чтобы жребий два раза выпал одному и тому же лицу; следовательно, в начале III в. до н.э. архонты вновь избирались, как в архаическую эпоху. В целом проблематики, связанной с эллинистическим архонтатом, мы в этой статье не касаемся; заметим только, что переход от жеребьевки к избранию – весомый довод против точки зрения тех исследователей, которые считают, что в Афинах как минимум до 260 г. до н.э. сохранялась реальная демократия (например, Dreyer 2001). В действительности, конечно, народовластие рухнуло в 322 г. до н.э., а то, что было позже, – это в лучшем случае умеренная олигархия, маскирующаяся под демократию, «пустая оболочка», как мы выражаемся в другом месте (Суриков 2008а, 304 слл.). Напомним, в частности, слова Аристотеля (Pol. IV. 1294 b8): «Одной из основ демократического строя является замещение должностей по жребию, олигархического же – по избранию».

⁹⁴ Как известно, политическая жизнь была лишь одним из видов коллективной деятельности граждан полиса (Schmitt-Pantel 1991).

Восточной Европы. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения / Е.А. Мельникова (ред.). М., 141–150.

Молчанов А.А. 2004: Персеиды-Гераклиды-Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 г. Генеалогия как форма исторической памяти / И.Г. Коновалова (ред.). М., 151–159.

Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыткин С.Я. 1988: Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). М.

Немировский А.А. 2001: У истоков древнееврейского этногенеза. Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. М.

Ставнюк В.В. 2004: Фемістокл і Афіни: діяльність Фемістокла в контексті еволюції афінського поліса. Київ.

Суриков И.Е. 1995: Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1, 23–40.

Суриков И.Е. 1999: О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 2 (5), 34–42.

Суриков И.Е. 2000: Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М.

Суриков И.Е. 2004а: Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти / И.Г. Коновалова (ред.). М., 175–188.

Суриков И.Е. 2004б: Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 1, 3–30.

Суриков И.Е. 2005а: Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н.э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций / Л.А. Андреева, А.В. Коротаев (ред.). Ч. 2–3. М., 7–34.

Суриков И.Е. 2005б: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М.

Суриков И.Е. 2006: Остракизм в Афинах. М.

Суриков И.Е. 2007: Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М.

Суриков И.Е. 2008а: Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб.

Суриков И.Е. 2008б: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.

Суриков И.Е. 2009: «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // *Studia historica*. 9, 185–201.

Суриков И.Е. 2010: Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций / В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (ред.). М., 8–54.

Суриков И.Е. 2011а: К проблеме формирования греческого полиса. Афины в VIII–VII вв. до н.э. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза / Е.А. Мельникова (ред.). М., 273–278.

Суриков И.Е. 2011б: Геродот и Филаиды // *Аристей*. 3, 30–64.

Туманс Х. 2002: Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). СПб.

Фролов Э.Д. 1988: Рождение греческого полиса. Л.

Хабихт Х. 1999: Афины. История города в эллинистическую эпоху. М.

Almeida J.A. 2003: Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden.

Arnheim M.T.W. 1977: Aristocracy in Greek Society. Plymouth.

Arnush M.F. 1995: The Career of Peisistratos Son of Hippias // *Hesperia*. 64, 2, 135–162.

Badian E. 1971: Archons and Strategoi // *Antichthon*. 5, 1–34.

Barceló P. 1993: Basileia, Monarchia, Tyrannis: Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart.

Bicknell P.J. 1972: Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden.

Bicknell P.J. 1982: Themistokles' Father and Mother // *Historia*. 31, 2, 161–173.

Bradeen D. 1964: The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. 32, 2, 187–208.

Brenne S. 2001: Ostrakismos und Prominenz in Athen. Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka. Wien.

Buck R.J. 1965: The Reform of 487 B.C. in the Selection of Archons // *Classical Philology*. 60, 2, 96–101.

Bugh G.R. 1988: The Horsemen of Athens. Princeton.

- Cadoux T.J.* 1948: The Athenian Archons from Kreon to Hypsichides // *JHS*. 68, 70–123.
- Carlier P.* 1984: La royauté en Grèce avant Alexandre. Strasbourg.
- Cavaignac E.* 1924: La désignation des archontes athéniens jusqu'en 487 // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. 48, 144–148.
- Chambers M.* 1993: Aristotle and his Use of Sources // *Aristote et Athènes* / M. Piérart (ed.). P., 39–52.
- Davies J.K.* 2009: The Historiography of Archaic Greece // *A Companion to Archaic Greece* / K.A. Raaflaub, H. van Wees (ed.). Oxf., 3–21.
- Develin R.* 1989: Athenian Officials 684–321 B.C. Cambr.
- Dinsmoor W.B.* 1931: The Archons of Athens in the Hellenistic Age. Cambr. (Mass.).
- Drews R.* 1983: Basileus: The Evidence for Kingships in Geometric Greece. New Haven.
- Dreyer B.* 2001: Wann endet die klassische Demokratie Athens? // *Ancient Society*. 31, 27–66.
- Figueira T.J.* 1984: The Ten Archontes of 579/8 at Athens // *Hesperia*. 53, 4, 447–473.
- Figueira T.J.* 1986: Xanthippos, Father of Pericles, and the Prutaneis of the Naukraroi // *Historia*. 35, 3, 257–279.
- Finley M.I.* 1981: Early Greece: The Bronze and Archaic Age. L.
- Fornara C.W.* 1971a: The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden.
- Fornara C.W.* 1971b: Themistocles' Archonship // *Historia*. 20, 5/6, 534–540.
- Forrest W.G.* 1966: The Emergence of Greek Democracy. The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L.
- Forrest W.G., Stockton D.L.* 1987: The Athenian Archons. A Note // *Historia*. 36, 2, 235–240.
- Foxhall L.* 1997: A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes // *The Development of the Polis in Archaic Greece* / L.G. Mitchell, P.J. Rhodes (eds.). L.–N.Y., 61–74.
- Frost F.J.* 1968: Themistocles' Place in Athenian Politics // *California Studies in Classical Antiquity*. 1, 105–124.
- Gagarin M.* 1981: The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // *Transactions of the American Philological Association*. 111, 71–77.
- Greenhalgh P.A.L.* 1972: Aristocracy and its Advocates in Archaic Greece // *Greece and Rome*. 19, 2, 190–207.
- Hamel D.* 1998: Athenian Generals. Military Authority in the Classical Period. Leiden.
- Hansen M.H.* 1989: The Athenian Ecclesia II. A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen.
- Harding Ph.* 1977: Atthis and Politeia // *Historia*. 26, 2, 148–160.
- Harding Ph.* 1994: Androtion and the Atthis. Oxf.
- Harding Ph.* 2007: Local History and Atthisography // *A Companion to Greek and Roman Historiography* / J. Marincola (ed.). Vol. 1. Oxf., 180–188.
- Harding Ph.* 2008: The Story of Athens: The Fragments of the Local Chronicles of Attika. L.–N.Y.
- Harvey F.D.* 1986: Neokles, Father of Themistokles // *Historia*. 29, 2, 110–111.
- Hignett C.* 1952: A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxf.
- Jacoby F.* 1949: Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf.
- Jacoby F.* 1954: Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Vol. 1–2. Leiden.
- Kahrstedt U.* 1936: Studien zum öffentlichen Recht Athens. Teil 2. Untersuchungen zur Magistratur in Athen. Stuttgart.
- Kelly D.H.* 1978: The Athenian Archonship 508/7 – 487/6 B.C. // *Antichthon*. 12, 1–17.
- Kõiv M.* 2003: Ancient Tradition and Early Greek History. The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth. Tallinn.
- Malkin I.* 2009: Foundations // *A Companion to Archaic Greece* / K.A. Raaflaub, H. van Wees (eds.). Oxf., 373–394.
- McCargar D.J.* 1974: Isagoras, Son of Teisandros, and Isagoras, Eponymous Archon of 508/7: A Case of Mistaken Identity // *Phoenix*. 28, 3, 275–281.
- McCargar D.J.* 1976: The Archonships of Hermokreon and Alkmaion: A Further Consideration of Ath. pol. 22: 1–3 // *Rheinisches Museum für Philologie*. 119, 4, 315–323.
- McGregor M.F.* 1974: Phormion and Peisistratos // *Phoenix*. 28, 1, 18–21.
- Meiggs R., Lewis D.* 1989: A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf.
- Meritt B.D.* 1939: An Early Archon List // *Hesperia*. 8, 1, 59–65.
- Morris I.* 1987: Burial and Ancient Society. The Rise of the Greek City-State. Cambr.
- Mulgan R.G.* 1984: Lot as a Democratic Device of Selection // *The Review of Politics*. 46, 4, 539–560.
- Osborne M.J., Byrne S.G.* 1994: A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 2. Attica. Oxf.
- Pearson L.* 1981: The Local Historians of Attica. Repr. ed. Ann Arbor.

- Plommer W.H.* 1969: The tyranny of the Archon List // *Classical Review*. 19, 2, 126–129.
- Rhodes P.J.* 1981: A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf.
- Rhodes P.J.* 1993: «Alles eitel Gold»? The Sixth and Fifth Centuries in Fourth-Century Athens // *Aristote et Athènes* / M. Piérart (ed.). P., 53–64.
- Rhodes P.J.* 2006: The Reforms and Laws of Solon. An Optimistic View // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.). Leiden–Boston, 248–260.
- Robinson E.W.* 1997: The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart.
- Roebuck C.* 1974: Three Classes (?) in Early Attica // *Hesperia*. 43, 4, 485–493.
- Samuel A.E.* 1972: Greek and Roman Chronology. Calendars and Years in Classical Antiquity. München.
- Scheidel W., Taeuber H.* 2002: Aristoteles, Ath. Pol. Vorbemerkung: zu Verfasserschaft und Abfassungszeit der Athenaion Politeia // *Ostrakismos-Testimonien I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v.Chr.)* / P. Siewert (Hrsg.). Stuttgart, 447–448.
- Schmitt-Pantel P.* 1991: Collective Activities and the Political in the Greek City // *The Greek City: From Homer to Alexander* / O. Murray, S. Price (eds.). Oxf., 199–213.
- Schreiner J.H.* 1968: Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo.
- Sealey R.* 1976: A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley.
- Sherk R.K.* 1990a: The Eponymous Officials of Greek Cities. I // *ZPE*. 83, 249–288.
- Sherk R.K.* 1990b: The Eponymous Officials of Greek Cities: Mainland Greece and the Adjacent Islands // *ZPE*. 84, 231–295.
- Sherk R.K.* 1991: The Eponymous Officials of Greek Cities III // *ZPE*. 88, 225–260.
- Sherk R.K.* 1992: The Eponymous Officials of Greek Cities IV // *ZPE*. 93, 223–272.
- Sherk R.K.* 1993: The Eponymous Officials of Greek Cities V // *ZPE*. 96, 267–295.
- Snodgrass A.M.* 1987: An Archaeology of Greece: The Present State and Future Scope of a Discipline. Berkeley.
- Snodgrass A.M.* 2006: Archaeology and the Emergence of Greece. Edinburgh.
- Stanley P.V.* 1999: The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen.
- Thomsen R.* 1972: The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen.
- Wallace R.W.* 1989: The Areopagus Council, to 307 B.C. Baltimore.
- Wees H. van* 2006: Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.). Leiden–Boston, 351–389.
- Whitehead D.* 1993: 1–41, 42–69: A Tale of Two Politeiai // *Aristote et Athènes* / M. Piérart (ed.). P., 25–38.

ARCHONSHIP IN ATHENS: FROM THE ORIGINS OF THE INSTITUTION TO THE LOSS OF ITS POLITICAL SIGNIFICANCE

I.E. Surikov

The paper deals with the history of archonship, the supreme office in Athens for a long period, from the first half of the first millennium BC. The author investigates how the board of archons was generally emerging from the ancient institution of kingship. The process included several parallel, though mutually connected developments, such as: shortening of the term of office for one person (life-long to ten years to one year), widening of the circle of potential candidates (from the Medontidae to all aristocracy) and growth of the number of members (one to three to nine, and even to ten in the very end of the Archaic period). A new interpretation of Solon's reform of archonship is proposed: Solon was elected archon eponymous, as were all archons before and after him till 487. The novelty was that he was elected not by the Areopagus, as before, but by the Assembly for the first time in the Athenian history. Such an appointment was an extraordinary measure, but after the event the new order became normal. Finally, the paper shows in detail how after the creation of classical Athenian democracy the archonship lost its political (but not civic) importance.